

Гюнтер Прин

КОМАНДИР ПОДЛОДКИ

*Стальные волки
вермахта*

Гюнтер Прин

**Командир подлодки.
Стальные волки вермахта**

«Центрполиграф»

Прин Г.

Командир подлодки. Стальные волки вермахта / Г. Прин —
«Центрполиграф»,

Немецкий офицер-подводник Гюнтер Прин рассказывает о боевых операциях подводных лодок Германии в Атлантике, непосредственным участником которых он был. Вы проследите за судьбой одного из самых удачливых капитанов, добившихся признания на родине и нанесшего непоправимый урон противнику. А также познакомитесь с подробностями сражения в заливе Скапа-Флоу, за которое Прин был удостоен высшей награды – Рыцарского креста с дубовыми листьями.

Содержание

Глава 1 НАЧАЛО	5
Глава 2 ПОД ПОЛНЫМИ ПАРУСАМИ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Гюнтер Прин

Командир подлодки.

Стальные волки вермахта

Глава 1 НАЧАЛО

Это происходило в Лейпциге недобрым летом 1923 года. Инфляция всех разорила. Наши родители обеднели. Улицы города были серыми и грязными. Шел дождь.

– Сегодня скажем? – спросил Гейнц.

Я подумал о маме.

– Думаю, мой старик всыпет мне, – беззаботно сказал Гейнц, многозначительно пошлепывая себя в грудь. Перспектива родительского наказания оставила его равнодушным.

Мы расстались перед моей дверью. Отойдя на несколько шагов, Гейнц обернулся и крикнул:

– Я обязательно скажу старику сегодня! – Помахав, он скрылся за углом.

Я поднялся по узкой деревянной лестнице. Ее стертые ступени скудно освещались маленькими окошками, выходящими во двор. Мы жили на втором этаже.

Дверь открыла мама. Она была в блузе, заляпанной краской.

– Ш-ш, тише, Гюнтер, – прошептала она. – Мистер Бузелиус еще спит.

Бузелиус – толстый студент, занимавший комнату у входной двери. Он учился уже семь лет. Обычно он оставался в постели до полудня, утверждая, что лежа ему лучше работается. Дверь тряслась от его храпа.

Я прошел в дальнюю комнату. Стол был уже накрыт. Лиззи Лотта и Ганс Иоахим сидели на высоких стульчиках бледные и робкие. На камине лежали три письма в голубых конвертах – счета!

Мама вошла в комнату с едой. Ячменный суп. Ели молча.

– Там много? – спросил я, кивая на голубые конверты.

– Самое плохое – счет дантиста, – вздохнула мама и добавила: – Тем, кому нечего кусать, не нужны зубы.

Я посмотрел на нее. Лицо было добродушным, круглым, а взгляд горьким. Нет, я не мог сказать ей. По крайней мере, сейчас.

Убирая со стола, мама сказала:

– Когда закончишь домашнюю работу, отнеси кружева Кливиц. Принесли еще коробку.

Я кивнул. Это не было настоящей работой, но мы на нее жили. Моя тетка покупала кружева в Эрцгебирге, а мама продавала их в маленькие магазинчики Лейпцига. Доход был скудным, а иногда его и совсем не получалось.

Я дождался вечера, так как коробка была большой и мне не хотелось, чтобы школьные друзья меня с ней увидели. Магазин помещался на Нью-Маркет. В крошечном окошечке выставлялись старомодное нижнее белье, ночные рубашки с вышивкой, маленькие петельки и кружева для наволочек – наши кружева. Выглядело это так, будто кто-то вытряс в окно бельевую корзину 1880-х годов. Старшая из сестер Кливиц, маленькая, как бы усохшая женщина с острым носом и черными глазами, была в магазине.

– Добрый вечер, – сказал я, ставя коробку на прилавок. – Я принес кружева от мамы.

– Не мог прийти пораньше? – спросила она ворчливо. – Уже темно. – Она сняла крышку с коробки и принялась копаться в кружевах, бормоча: – Конечно, опять неотбеленные... и

всегда тот же рисунок. «Глаза Бога», снова «глаза Бога». Никто не хочет сегодня этих «глаз Бога». Предупреждаю в последний раз.

Я ничего не ответил.

Звякнул дверной колокольчик. Вошла покупательница.

Мисс Кливиц оставила меня стоять и пошла обслужить ее. Видеть, каким приятным стало ее лицо, как мягко звучал голос, когда она разговаривала с покупательницей, было просто удивительно.

Я стоял и наблюдал. Да, вот так они жили, эти несчастные продавцы: раболепие перед вышестоящими и пинки для нижестоящих.

Покупательница ушла с пакетиком булавок. Мисс Кливиц вернулась к моей коробке и стала ковыряться в ней, как курица, выкапывающая червей, продолжая ворчать:

– Образцы были совсем другие, гораздо лучше... И аккуратнее сделаны... Вряд ли я захочу брать этот хлам.

– Ну... – начал я.

Она подняла голову и посмотрела на меня. Глаза ее стали как щелочки, рот приоткрылся. Еще слово, и она вышвырнет меня вместе с кружевами. Я знал это так точно, как если бы она сказала вслух. Я подумал о маме, о младших дома и промолчал.

– Ты что-то сказал? – спросила она.

– Нет.

– Ну а мне и не хочется ничего слушать, – сказала мисс Кливиц с триумфом.

Она пошла к кассе и отсчитала деньги. Я поблагодарил и ушел.

На улице я осторожно закурил сигарету, опасаясь, как бы школьный учитель не поймал меня. Нет, так продолжаться не может. Я должен уехать, иначе задохнусь. Гейнц собирался сказать своему отцу, что мы оба хотим уйти в море, а я должен сказать маме. Возможно, лучше сделать это не откладывая.

Дома я проглотил ужин и отправился в свою маленькую узкую комнату с окном во двор. Там стояли раскладушка, стол, стул, умывальник и маленький книжный шкаф. Если встать поближе к окну, виден кусочек неба. Над кроватью висел портрет Васко да Гама, моего самого любимого из всех великих мореходов прошлого. Я читал и перечитывал книгу о его жизни. Как в двадцать семь лет он начинал, имея всего три суденышка, каждое не больше рыбацкой лодки. Как он плыл под парусами вокруг Африки, страдая от невероятных лишений. Как завоевал Индию и вернулся, приветствуемый королем и народом.

Если бы я мог уйти в такую жизнь, полную приключений! Но у мамы не было денег, это было главным препятствием. Правда, у меня была девяносто одна шведская крона, заработанная на международной ярмарке в Лейпциге. Но хватит ли девяносто одной кроны для поступления в морское училище? Возможно. А если нет, я могу уйти в море и без учебы. Это была моя последняя мысль перед тем, как заснуть.

На следующее утро Гейнц Френкель зашел за мной по дороге в школу.

– Я поговорил со стариком, – сказал он. – Отец был удивительно благоразумен для своего возраста. Предложил сначала получить аттестат об образовании, и тогда, если я не передумаю идти в море, он не будет препятствовать.

– Здорово! – сказал я.

– А ты? – спросил Гейнц. – Что сказала твоя мать?

– Ничего, потому что я ничего ей не говорил.

Смеясь, он похлопал меня по плечу:

– Ну, старина, значит, мы должны продолжать грызть науки.

Но мне было не до смеха. Днем я поехал в профессиональный совет при бирже труда, чтобы узнать об условиях обучения на юнгу.

Принимал меня точно не португальский король. Бледный желтолицый человек неодобрительно уставился на меня сквозь толстые стекла очков и спросил:

– Ты хочешь поступить в торговый флот, ты, малявка? А что скажут твои родители?

– Мама согласна, – соврал я.

– Тогда приходи с ней, – недоверчиво сказал он и снова стал листать бумаги, как будто меня тут и не было.

Скрепя сердце я объяснил ему, что хочу узнать, что я должен делать, чтобы поступить, и сколько это будет стоить. Он раздраженно поднял на меня глаза, выхватил какую-то бумагу и бросил ее передо мной, не тратя слов. Это был проспект Немецкого морского училища в Финкенвардере. Я поблагодарил и ушел.

Выйдя, я изучил брошюру. Я не смотрел на картинки, едва глянул в текст и просто искал, сколько времени займет обучение и сколько оно стоит. Там значилось: три месяца учебы и сумма в бумажных марках, немалая сумма. Больше того, взносы могли увеличить без предупреждения.

Я пошел по улице. В офисе газеты «Лейпцигские новости» я изучил страницу финансов и стал подсчитывать. Какое счастье! Моей девяносто одной шведской кроны вполне хватало.

Дома мама сидела перед мольбертом. Картина изображала оленей в лесу. Эту картину она рисовала уже много раз.

– Только представь, дорогой, дантист берет картину в оплату. Ему нравятся мои картины, и он уже нашел мне еще двух покупателей. – Ее щеки зарумянились. – Я могу просить по крайней мере тридцать золотых марок за каждую, сказал он. Если дела пойдут хорошо, я смогу рисовать две или три в неделю. Это двести сорок или триста марок в месяц, мой мальчик. Знаешь? Тогда мы сможем перестать торговать этими кружевами.

Я посмотрел на нее. Она опять была в своей стране несбыточных мечтаний. Я глубоко вздохнул:

– Хорошо, мама, но не лучше ли будет, если тебе придется кормить одним голодным меньше?

Она опустила кисть:

– Что ты имеешь в виду, Гюнтер?

– Думаю, мне пора подумать, как зарабатывать деньги.

– И что ты предполагаешь делать?

– Я хочу уйти в море.

Она встала. Мы смотрели друг на друга.

Я быстро сказал:

– Посмотри, я получил программу морского училища в Финкенвардере. Плата не такая уж большая, можно заплатить моими шведскими деньгами. А потом...

Она прервала меня:

– Ты правда хочешь уйти в море?

– Да, – сказал я. – Правда. Ты ведь знаешь сама.

Она ничего не сказала, только наклонила голову. Потом тихо и неуверенно произнесла:

– Если так, я не буду стоять на твоём пути.

Глава 2 ПОД ПОЛНЫМИ ПАРУСАМИ

Мореходное училище в Финкенвардере размещалось в большом красном кирпичном здании на берегу реки. В течение дня мы могли видеть корабли, плывущие мимо, а по ночам по реке двигались огоньки. Когда мы лежали в своих дортуарах и не могли ничего видеть, мы слышали гудки пароходов и мечтали попасть на борт и плыть в неведомое.

Мы – это толпа из тридцати – сорока мальчишек, всегда голодных, как волки, всегда жизнерадостных и всегда полных надежд.

Дисциплина в школе была суровая. Если кого-нибудь ловили курящим, его заставляли съесть сигарету. Но нас это не удручало. Мы брали от жизни все, что могли, даже если это был обед начальника. Чтобы стянуть еду капитана Элкера, требовалась особая техника, трюк, который передавался из поколения в поколение. Когда подъемник проходил через нашу столовую, надо было быстро поменять полные тарелки на пустые. Неуклюжего могло зацепить в лифте. Но это проделывалось снова и снова. Кое-кто утверждал, что капитан Элкер такой маленький потому, что на своей тарелке часто не находит ничего, кроме воздуха.

Нас учили вязать узлы и сращивать концы, читать сигнальную азбуку и постигать все чудеса морского искусства. И все это очень быстро, потому что нас надо выпустить через три месяца. Старые моряки обычно называли нашу школу «машиной для морских сосисок».

Но нам все равно не терпелось, и все разговоры в свободное время касались только одного: возможности попасть в долгое плавание. Мы ходили взад и вперед по пристани, расклевываясь, как настоящие моряки, плевали с пирса в воду и нетерпеливо ждали, что кто-нибудь обратит на нас внимание. Но никто не обращал.

Через три месяца был экзамен. Все сдали, и капитан Элкер, пожав каждому из нас руку, пожелал доброго пути в жизни. Все ушли, остались только мы двое: Янки и я. У нас не было денег, чтобы вернуться домой, и мы не хотели упускать ни малейшего шанса. Мы стали учениками класса «Д», оставленными после окончания курса. В Финкенвардере вы начинаете с класса «А» и переходите в «С» за месяц до экзамена. «Д» – это такие птички, которых кормят, пока им тоже не удастся найти пристанище.

Это было неприятное время. Наше случайное хождение по пристани превратилось в лихорадочную гонку с корабля на корабль. Но мы никому не были нужны. Однажды вечером, когда мы, уставшие и унылые, вернулись в школу, боцман Шмидт остановил нас в зале и сказал:

– Говорят, что после двух дней гость в доме, как и дохлая рыба, начинает вонять. – Он коснулся пальцем своей фуражки и ушел.

Это действительно было неприятное время. Когда однажды утром капитан Элкер приказал нам явиться к нему, мы почувствовали облегчение. Так или иначе, это был конец.

Когда мы вошли в комнату Элкера, он сидел за своим письменным столом. Мы откозыряли и встали по стойке «смирно».

– Полностью оснащенный «Гамбург» ищет двух юнг, – сказал Элкер резким командным голосом. – Это хороший корабль, и капитан – один из лучших моряков, каких я знаю. Вы можете приступить завтра.

– Хорошо, сэр, – сказал я.

Но Янки сухо спросил:

– А сколько мы будем получать?

Капитан Элкер нахмурился.

– Получать? – переспросил он с неодобрением. – Что ты имеешь в виду? Вы еще учитесь и на борту ничто. Как-никак «Гамбург» – учебный корабль. Компания требует тридцать марок в месяц за обучение. И это дешево, парни, чертовски дешево.

Я видел, что Янки покраснел. Он был сыном крестьянина из Померании, и деловой инстинкт был у него в крови.

– Мы не сможем принять это предложение, капитан. И в любом случае мой отец не заплатит.

– Ладно, – сказал Элкер. – А ты, Прин?

– Не думаю, что моя мама сможет заплатить, – вздохнул я.

– Ну, тогда, думаю, вопрос исчерпан. – Он отпустил нас презрительным жестом руки.

Вечером капитан вызвал нас снова.

– Ну, я договорился, – грубо сказал он, – что вы не будете платить.

А сколько нам заплатят? – опять спросил Янки.

Элкер долго смотрел на него. Взгляд был любопытный, наполовину удивленный, наполовину раздраженный, и еще в нем читалось какое-то завистливое одобрение. Затем он сказал:

– Небольшая прибавка к нулю, – повернулся на каблуках и вышел, оставив нас стоять.

На следующий день мы пошли на корабль. Это было воскресенье, ясный холодный день. Снег искрился на солнце, лед на Эльбе блестел, плывя вниз по течению. «Гамбург» был пришвартован к пирсу как раз напротив фирмы «Блом и Фос». Корабль еще загружали, везде на палубе лежали концы тросов и разные приспособления, в углу – пустые жестянки и мусор. На борту, казалось, никого не было.

Около трапа стояли два человека: офицер с синим воротничком и огромный мужчина в штатском. Он походил на моржа – красные щеки и обвислые усы. Его рубашка была расстегнута, несмотря на холод, и, казалось, могучее красное горло вырастает прямо из нее. По его жилету тянулась толстая золотая цепочка для часов.

– Это вы два новичка? – спросил морж глубоким басом, распространяя запах джина.

– Да, сэр, мы юнги, – ответил я.

– А, джентльмены из мореходного училища, – сказал он и насмешливо посмотрел на офицера. Затем рывкнул на всю палубу: – Стокс!

Через минуту явился матрос.

– Это салаги! – объявил боцман. – Покажи им шкафчики и койки. Этот, – он показал пальцем на Янки, – пойдет в носовой кубрик, а второй – на корму, в «еврейский храм». – Он повернулся и сплюнул в воду.

Стокс послал Янки на бак, где были койки матросов и юнг, а меня повел на корму. Я искося посмотрел на него. Маленький тощий человек с бледным недовольным лицом. Передние зубы выдавались вперед, и в профиль он напоминал злобную крысу.

«Еврейский храм» – это помещение для старших матросов, большое и низкое. Справа и слева по стенам располагались койки в два яруса, образуя темные пещеры. В центре стоял длинный деревянный стол и две скамьи. Солнце проникало через иллюминатор и отражалось в обшивке, пронизывая мрак тонкими стрелами. Пахло водорослями, смолой, морской водой. Никого не было видно, но кто-то повернулся в темноте на койке, когда мы вошли.

– Вот твоя койка, – сказал Стокс и показал на пещеру справа.

Я бросил на нее свой мешок. Стокс сел за стол, вытащил газету и начал читать.

– Вы хотели показать мой шкафчик, – сказал я.

Он поднял голову:

– Что-о-о?

– Я хочу попросить показать мой шкафчик.

Он встал и направился ко мне. Шел бесшумно, голова наклонена вперед.

– Что-о-о? – повторил он, странно растянув звук.

– Я хотел спросить...

В следующую минуту он ударил меня в лицо. Раз, потом еще и еще. Он бил тыльной стороной ладони.

– Я отучу тебя фамильярничать с моряком, болван! – выкрикнул он.

Я был так удивлен, что даже не пытался парировать удар. Но потом кровь бросилась мне в голову. Нет! Пусть подонок на десять лет старше, пусть сильнее и крепче, я не позволю избивать меня! Я втянул голову и сжал кулаки.

Чья-то рука легла сзади на мое плечо и сжала как в тисках.

– Спокойно, парень, спокойно, – сказал звучный голос. Потом Стоксу: – Пошел вон, мразь.

Я повернулся. Это был моряк с верхней койки. Я его разглядеть не мог, только его руку, все еще лежавшую на моем плече. Рука сильная, толстая, волосатая, мускулы как канаты.

Стокс потрусил к двери, что-то бормоча на ходу, но нельзя было понять ни слова. Дверь хлопнула. Человек перекинул ноги через край койки и спустился вниз.

– Думаю, ты новичок?

– Да.

– Как тебя зовут?

– Гюнтер Прин.

– А я Макс Витачек, – сказал, протягивая руку, здоровяк, на полметра выше и в два раза шире, чем я. – Не стоит беспокоиться, – продолжал он. – Стокс – вонючка. Он сам хиляк, поэтому ищет тех, кто слабее, и старается взять верх над ними.

– Я не слабее, – сказал я. – Еще неизвестно...

Известно, – засмеялся он. У него были блестящие глаза, как бы омытые соленой водой и ветром. – Известно, – повторил он. – Ты, безусловно, слабее, потому что, если ты в самом деле побьешь Стокса, мы все побьем тебя. Ради дисциплины. – Он сел у стола и стал набивать трубку. – Я видел однажды, как это бывает, – сказал он. – Салага ответил на удар. Он был сильный парень и дал сдачи матросу. Но после этого три недели лежал в койке и ему понадобились металлические зубы. Обычно он чистил их наждаком. Я бы пожалел, если бы вынужден был помогать Стоксу, – добавил он, раскуривая трубку.

Пока он сидел, спокойно покуривая, я раскладывал вещи. Я еще не закончил, когда вернулся Стокс и приказал мне идти к боцману.

Боцман жил в каюте один. Он лежал на койке, положив на стул ноги в ботинках.

– Ну, господин новичок, – начал он, – мы ожидали вас, потому что для вас есть важная работа.

Он выкатился из койки и, протопав мимо меня к двери под баком, рывком открыл ее.

– Вот наш парламент, – сказал он, указывая на два толчка. – Ты не согласишься: когда-то они были белые. Принимайся за них. Горячую воду и соду возьмешь у кока. Когда закончишь, доложишь мне.

Он ушел, а я принялся за дело. Через открытую дверь я мог видеть кусочек палубы и грот-мачту, высокую и стройную. Она вырисовывалась на фоне бледно-голубого февральского неба. Вот она, морская жизнь, о которой я мечтал. Проклятие, это не самое счастливое начало жизни на море.

Закончив, я отправился к боцману. Он пошел со мной и тщательно проверил оба толчка. Затем повернулся ко мне.

– Хорошо сделано, салага, – сказал он. Тон был сердечным и без сарказма. – Если всегда будешь делать так же, станешь добрым другом Гарри Стовера. – Он хлопнул меня по затылку и ушел.

В «еврейском храме» Зиппель и я должны были заботиться о порядке. Зиппель тоже был юнгой. Маленький быстрый паренек с копной светлых волос и веселыми голубыми глазами. Мы брали жестяные бачки с едой с камбуза и приносили их в столовую, где матросы, сидя за столом локоть к локтю, заглатывали пищу – жареную свинину с красной капустой, так как было воскресенье.

– Ты Гюнтер Прин, – сказал юнга, когда мы усадились есть, – а я Отто Зиппель. Можешь обращаться ко мне на равных, хотя я на борту на четырнадцать дней дольше, чем ты.

Матросы засмеялись, только Стокс выглядел раздраженным. В этот день мы были свободны. На следующий день началась работа. Мы принимали на борт припасы, и я должен был поднимать на палубу мешки ручной лебедкой.

Затем паруса прикрепили к реям. Мы стояли высоко на своих местах, разворачивая паруса вниз и закрепляя их фалами. Ледяной ветер кусал пальцы, стальные оси были ужасающе холодными. Грот-мачта, как колокольня, возвышалась на сто шестьдесят футов. Палуба внизу казалась крохотной. Мы закрепили двадцать восемь парусов, и это заняло целых два дня.

Утром четвертого дня мы были готовы. Пришел буксир, и в семь часов мы отплыли. На реке была еще почти ночь, вода казалась глубокой и черной. Только льдины плыли светлыми пятнами, расступаясь перед носом нашего корабля. Мы двигались в середине течения, команда стояла на борту, глядя на землю, еще лежавшую в темноте. Вдруг хриплый голос закричал:

– Трижды ура святому Павлу!

Вся команда в один голос выкрикнула:

– Ура! Ура! Ура!

По воде донеслись в ответ голоса, но мы не могли различить слова.

Когда стало светлее, я увидел у фальшборта человека в белой фуражке.

– Старик, Старый Козел, – прошептал Зиппель.

Человек на мостике вертел головой, как петух, собирающийся кукарекать. Потом он скрылся в штурманской рубке.

– Он вынюхивал ветер, – сказал Зиппель, – и теперь собирается прокладывать курс. Он чувствует погоду за три дня.

Я посмотрел на Зиппеля, но его лицо было совершенно серьезно. Нас вели на буксире вниз по Эльбе, и мы достигли открытого моря в полдень. Дул легкий северо-восточный ветерок, море выглядело серо-зеленым и очень холодным. К вечеру, перед закатом, буксир ушел.

Дали команду ставить паруса. Мы вскарабкались по реям. Паруса один за другим развертывались и наполнялись ветром. Солнце скрылось за облаком, на востоке медленно поднималась луна, круглая и полная. На море играли блики света. Мы работали, пока рубашки не прилипли к телу, несмотря на холод. Время от времени я замечал игру света на белых парусах.

Когда я снова оказался на палубе, меня захватило восхитительное зрелище: передо мной возвышались три серебряные башни, их вершины исчезали в ночном небе. Ветер пел в них, а снизу доносилось глубокое ровное шуршание рассекаемых носом волн.

Мы плыли. Как будто невидимая сила несла корабль и толкала его мягко, но непреодолимо. Не было шума машин, только глубокий и ровный звук волн. До Бискайского залива погода была хорошей, но потом ветер изменился, и мы должны были какое-то время лавировать. Но мы рассчитывали наверстать упущенное время за Азорами, когда попадем в пассат.

Когда мы подошли к Азорам, пассата не было, ветер дул легкими неравномерными порывами, будто кашлял старый человек. Хотя капитан приказал поднять все паруса, нам не удавалось делать больше десяти миль в час. Море как будто превратилось в жидкий свинец. Дни были знойными и душными, а ночи еще хуже. Мы не могли выносить это внизу, и, когда были свободны от вахты, лежали на крышках люков, чтобы почувствовать прохладный ночной воздух. Капитана видели редко. Большую часть времени он полулежал в шезлонге за рулевой рубкой. Иногда около полудня, в самую жару, он появлялся. Длинное тощее привидение в розовой шелковой рубашке. Озабоченно смотрел на провисшие паруса, покачивал головой и снова исчезал за рулевой рубкой. Хотя видели его мало, мы ощущали, что именно он всем управляет. Между собой мы его звали Старый Козел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.